

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-129-141

УДК 130.2

О ПОНЯТИИ СОЦИОКОДА У М.К. ПЕТРОВА: СМЫСЛ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМАТИКА

Соваков Б.Н.

***Цель.** В статье уточняется герменевтическое значение понятия социокода и делается попытка определить его онтологический характер. Объясняется, как использование этого понятия может углубить общую парадигматику феномена понимания и методологию исследований смыслообразования в философии, социологии и культурологии.*

***Методология проведения работы.** В основе исследования лежит метод герменевтики и феноменологии, реферативный дискурс.*

***Результаты работы** заключаются в переосмыслении и интерпретации основных понятий философского наследия М.К. Петрова. При этом ставится вопрос об их адекватном толковании, которое в настоящее время может и должно быть гораздо более обширным, чем сложившееся в практике. В качестве результатов исследования обоснованно указываются сферы применения и использования идей М.К. Петрова в широчайшем спектре современной философской и культурологической проблематики, касающейся любых проблем понимания текстов как знаковых и смысловых структур. Выводы, предлагаемые автором статьи, задают направление для дальнейших рассуждений и обрисовывают сферы возможного применения обсуждаемых понятий в методологии гуманитарных исследований.*

***Областью применения результатов исследования** могут стать любые сферы гуманитарного знания, занимающиеся проблематикой понимания текста. В частности, это сфера феноменологии, философской герменевтики, педагогики, культурологии,*

социологии, философии культуры. Отдельной сферой применения может быть история русской философии.

Ключевые слова: *социокод; культура; человекоразмерность; эквифинальность; фрагментирование; социальная адекватность; понимание; духовность.*

SOCIO-CODE NOTION IN M.K. PETROV'S WORKS: SENSE, CONTENTS, CONSIDERATIONS

Sovakov B.N.

Aim. *The article aims at giving a more precise definition of hermeneutic meaning of socio-code notion and also an attempt to define its ontological character is undertaken. It is outlined how the application of this notion may actualize the general paradigmatic of understanding phenomenon and the research methodology of sense creation by spheres of philosophy, sociology and cultural research studies.*

Research Methodology. *The research presented has in its basis the method of hermeneutics and that of phenomenology, also an essay discourse.*

The Results *of the work present some new considerations and interpretation of M.K. Petrov's philosophical inheritance main notions. The question of their adequate understanding is discussed, taking into attention the fact that at present they are to be interpreted deeper and broader, compared to the traditional way of considerations. As the result of the study, the spheres of application of the ideas by M.K. Petrov are suggested, in the broadest aspect of modern philosophical and cultural science problematic. These are any scientific fields, working with any text understanding problems, taken as sign and sense structures. The conclusions made by the author give some possible directions for further considerations and present a brief outline of possible applications of Petrov's ideas in humanitarian research methodology.*

The sphere of research application *may be any humanitarian fields working with text understanding problems. In particular, these may be*

the spheres of phenomenology, philosophical hermeneutics, pedagogy, cultural science, social science, the philosophy of culture. A particular aspect may be that of the Russian philosophy history.

Keywords: *socio-code; culture; human perception measure; final equality principle; fragmentation; social adequacy; understanding; spirituality.*

Имя М.К. Петрова хорошо известно философской аудитории современной России. Несмотря на то, что время, в которое М.К. Петров создавал свои работы, не очень-то способствовало широте философского диапазона, М.К. Петров смог подготовить многочисленных учеников и последователей. Среди них условно можно выделить два направления: направление единомышленников [5] и дискуссионное [10]. Регулярно проводящиеся Петровские чтения (в 2016 году – XXIX-е Чтения) способствуют развитию творческого осмысления наследия М.К.Петрова силами обоих направлений.

Основным инструментом, которым пользуется М.К.Петров в своих исследованиях, является понятие социокода. М.К. Петров определяет социокод как основную знаковую реалию культуры, удерживающую в целостности и различении фрагментированный массив **знания** (выд. нами. – Б.С.), расчлененный на интерьеры мир деятельности и обеспечивающие институты общения. «Эта знаковая реалия культуры представляет собой совокупность массива знания и непосредственно связанных с ним институтов и механизмов различного назначения. Основным средством общения и его орудием справедливо называют язык» [12, с. 39].

Иными словами, социокод представляет собой некий массив знания, накопленный и имеющийся в распоряжении у некоего социума, при этом фрагментированный по контурам вместимости индивидов в расчете на «средний» тип индивида как представителя данного социума с помощью определенного языка.

За понятием «контуров вместимости индивидов в расчете на «средний» тип индивида» стоит вводимая М.К. Петровым категория человекоразмерности как совокупности физических и мен-

тальных возможностей и ограничений человека [11, с. 26]. По нашему мнению, это именно категория, поскольку она может быть обусловлена самыми различными аспектами человеческой личности: личностной предрасположенностью, уровнем образования (и начитанности как осмысленного опыта обращения с текстами самого разного содержания), психическими особенностью (скорость восприятия, особенности воображения, интерпретации, владения данным языком) и многими другими.

Обратим особенное внимание, что фрагментирование «по контурам вместимости» имеет прежде всего знаковый характер, присутствующий как отдельному языку, так и отдельно взятой культуре, но язык и знак на социальном уровне выступают как первичное [3, с. 411]. Функция знака как фрагментатора культуры приобретает новый методологический ракурс.

Термину «социокод» противостоит понятие эквивинальности, которое М.К. Петров определяет как многообразие способов достижения одного и того же результата. Под этим понимается знаковое обеспечение эффективности социальной практики и ее преемственности как в смене поколений, так и в изменении ее состава, «в процессах включения новых составляющих и дренажа морально устаревших или теряющих опору в репродуктивной характеристике окружения» [11, с. 142]. Внешне это выглядит следующим образом: несколько человек, имеющие совершенно разный возраст, воспитание, условия жизни и т.д., освоив некую знаковую конструкцию (текст), далее при сходных обстоятельствах действуют одинаково.

По нашему мнению, в работе с текстами культуры для адекватного использования категории эквивинальности и понятия социокода исследователю необходимо выйти за пределы социальности. Тематика рассуждений Петрова постоянно замыкается в сферу «знание – навык – профессия, и знаковое обеспечение этого». Стоит только принять во внимание проблему интерпретации, как понятие эквивинальности потеряет свою однозначность. Можно предположить, что конкретность понятия эквивинальности зада-

ется социальностью и социальной практикой, но этому будет противоречить тот факт, что духовная культура общества не сводится к ним, не исчерпывается социальным бытием. С другой стороны, духовная культура непременно находит свое выражение на уровне социальности, и в этом плане понятие эквифинальности становится менее определенным. Необходимо обратиться к понятию вертикального контекста и фоновых знаний [7], которые в своем естестве суть не что иное, как содержательное наполнение социокода. При этом, если трактовать процессуальную сторону понимания как продвижение духовного мира личности «вверх» по социокоду, непременно актуализируется действие всех методологических констант герменевтики, из которых ведущим будет принцип «не интерпретировать текст в отрыве от контекста» [15].

Толкование смысла эквифинальности возможно и в более целостном плане. В среде филологов и философов, исследующих проблемы понимания, бытует термин «социально-адекватное понимание». Под ним подразумевают обычно такое понимание, которое наиболее полно отражает намерения автора текста, с одной стороны, и то, что понято читателем (слушателем) в плане развитости субстанциальной и процессуальной сторон его понимания [1, с. 35]. Ведь пониманию, среди всего прочего, свойственно и чувство меры как фактор культуры понимания [14]. Иными словами, интерпретация текста, учитывающая гармоничную, сбалансированную работу методологических констант герменевтики, непременно впишется в соответствующий социокод, точнее, социокоды автора и читателя (интерпретатора) станут доступнее усмотрению исследователя, что необходимо для полноты понимания смысла текста и усмотрением того, чем это понимание обеспечивается.

Действие указанных механизмов задается такой сущностной особенностью языка, как его субстанциальный характер. Однако в текстах Петрова язык берется как знаковая система, а не как субстанция, что может накладывать определенные ограничения на понимание процесса интерпретации в данном ракурсе. Ведь язык как субстанция – это вообще человеческий язык. Понимание язы-

ка лишь как знаковой системы условно; эта условность делает возможным тот факт, что, как замечает и сам М.К. Петров, число языков и культурных типов различно, даже можно утверждать, что это число никогда не совпадает, поскольку на уровне социальном язык выступает в своем «редуцированном» виде, лишь как знаковая система. Это – принципиально важное соображение. Конечно, субстанциальность языка накладывает решающий отпечаток на тип культуры, но, поскольку язык как субстанция принадлежит не социуму, а человечеству, то и становится невозможным точное совпадение числа типов культур и числа языков как знаковых систем, обслуживающих эти культуры и эти социокоды. С одной стороны, язык народа – это способ мировидения, «дух» этого отдельно взятого народа [4, с. 370–380], но именно субстанциальность языка делает языковые границы между народами проницаемыми, что и закладывает возможность собственно международного культурного общения через однородность порождения феноменов языка его субстанциальностью [5, с. 181].

Поэтому можно настаивать, что тип культуры определяется социокодом в большей степени, нежели знаковой системой языка. Влияние характера и структуры языка более актуализируются в методе фрагментирования, присущем данному конкретному языку. Сама же проблема понимания как осваивающего движения «вверх» по социокоду более связана с субстанциальностью языка, нежели с его бытованием в отдельно взятой национальной культуре в качестве знаковой системы. Можно сформулировать точнее: движение «вверх» по социокоду зависит более всего от того, насколько субстанциальная сторона понимания развита у отдельно взятой человеческой личности, находя при этом свое выражение в действии процессуальной стороны понимания [1, с. 35].

Основой для усмотрения единства социальности и субстанциальности языка может быть ракурс, заданный религиозно-философским статусом языка по А.Ф. Лосеву [2, с. 912]. Однако, тогда картина будет выглядеть иначе: дело не в том, что личность, осваивая социокод в своем движении «вверх» по нему, получает воз-

возможность занять свое социально обусловленное место и профессиональную нишу. Язык как нечто, творящее человека [8, с. 882], являет себя в сложнейшем методологическом комплексе, обусловленном отдельной культурой. Язык как субстанция, раскрываясь человеку, сам ведет его «вверх» по социокоду [16]. Здесь, кстати, и закладывается основа для проблематики интерпретации как таковой, поскольку язык как субстанция неизбежно включает в себя интерпретационный аспект [8], [9, с. 740–742].

Усмотрение проблем интерпретации получает новый ракурс через связь феномена фрагментирования с человекоразмерностью. Человекоразмерность представляет собой категорию, присущую некоей «единице социокода». В принципе, эта «единица социокода» совпадает с личностью человека, взятой предельно абстрактно. Поскольку знание усваивается человеком, то весь упомянутый массив знания должен иметь такие формы, которые должны обеспечивать усвоение знания человеком: «Индивид конечен не только как существо смертное, но и как существо, имеющее физические и ментальные ограничения. В процессе обучения-воспитания индивиду нельзя дать больше субъективности, чем он способен взять и пронести по жизни, развертывая субъективность в деятельность. И поскольку объем социально необходимого корпуса знания и соответствующей ему деятельности всегда превышает возможности отдельно взятого индивида, его физическую и ментальную «вместимость», корпус знания необходимо фрагментировать, иссекать по контурам вместимости индивидов, а также интегрировать эти части в целостность корпуса знания. Именно фрагментация и интеграция, принятый в данном обществе способ фрагментации и интеграции знания определяют структурные контуры культурного типа, возможные для данного типа способы познания мира и изменения суммы обстоятельств» [12, с. 31]. Именно поэтому феномен фрагментации знания является неотъемлемым свойством любой человеческой культуры, независимо от исторической эпохи. Объем фрагментирования лимитирован лишь трудоемкостью и сложностью входящих в него программ деятельности [12, с. 32].

Несколько иначе предстанет роль языкового знака как фрагментатора. На уровне социума язык являет себя прежде всего в формальном аспекте, в виде знака и системы знаков. Знак и есть принципиальный фрагментатор знания в рамках социокода. Все остальные фрагментирующие данности – слово, предложение, текст, система образования, культурные традиции, культура вообще – суть знаковые структуры, организованные в некие социально обусловленные формы, имеющие обязательное языковое оформление. «Мир выразим в языковых реалиях и познаваем только в той степени, в какой он выразим в реалиях языка» [5, с. 67]. И именно поэтому «никто не волен описывать природу абсолютно независимо, но все мы связаны с определенными способами интерпретации» [17]. Интерпретация при этом понимается как необходимое освоения мира смыслов, поскольку все, рассмотренное нами выше, есть для человеческой личности смысл [9, с. 678], и не что иное. Полагание смысла как первоосновы закладывает необходимый онтологический базис для всех исследований духовного мира личности.

В рассуждениях М.К. Петрова, с другой стороны, мир личности предстает как данность после акта вербализации. Однако духовный мир личности существует не в виде текстов или профессиональных тезаурусов. Великая загадка человеческого творчества, смысловых переживаний, волевая сфера личности и многое другое бытуют в этом мире не в вербализованной форме [6], [13]. Например, человека можно научить музыке с помощью соответствующего учебника. С помощью человеческой речи на конкретном языке педагог будет направлять обучение этого человека музыке, но сам мир переживаний личности (мир переживаний музыкальных смыслов) ученика будет иметь отнюдь не только языковой характер. То есть, явление социокода будет присутствовать в своем полном спектре (учебник, педагог, методика, приемы игры на инструменте, отработывавшиеся, возможно, столетиями). На уровне общения «педагог (учебник) – ученик», то есть уровне социальном, будут работать знаковые конструкции, но покрывает ли понятие знака все, что может быть в эмоционально-эстетическом мире личности? Разумеется, нет.

С другой стороны, и противоречия здесь нет. По нашему убеждению, тут лежит начало для дальнейших рассуждений. Ведь знак выступает лишь как фрагментатор, но фрагментируется не только сама знаковая структура; фрагментации подвергается нечто совершенно другое. Этим «другим» будет культура, как отдельный вид культуры (музыкальная, художественная), так и культура вообще, данная как смысл онтологически. Противоречия здесь нет потому, что сама культура как таковая на уровне социума предстает обязательно как знаковое образование, но, согласимся, культура не сводится к нему в силу своей субстанциальности. Она задается как смысл, и в этой ипостаси далее воспринимается человеком через смысловые стороны языкового знака.

Освоение творческого наследия М.К. Петрова может усложняться и еще одной особенностью его текстов. Он пишет о фрагментации именно знания и проблемах, связанных с этим. Но ведь культура, даже в своем социальном явлении, отнюдь не сводится к знанию. Существуют и другие ипостаси культуры – искусство, религия и связанный с ней мистический опыт личности, личностные мотивы, побуждающие к действию. Этот ряд понятий может быть очень длинным. Да и само знание как таковое отнюдь не однородно: ведь может быть знание о чем-то, знание чего-то, знание как осведомленность, эрудиция, профессиональная компетенция и так далее. В принципе, на каждом этапе работы социокода возможно подключение языкового знака, фрагментатора, и это задается фактором человекообразности, его необходимостью. Но в мире личности, в мире ее психики, смысловых и бессмысловых переживаний, творчества, – все будет гораздо сложнее. Человек не мыслит языковыми знаками, не переживает ими, не ощущает ими. К языковому знаку личность обращается на социальном уровне, при необходимости вербализации (опредмечивания) или понимания (распредмечивания) смысла. Совершенно необходимо иметь в поле рефлексивного усмотрения проблему интерпретации, и это задача для дальнейших исследований. Интерпретация языкового знака – тема достаточно разработанная в современной философии,

и понятие социокода как раз и станет существенно важным методологическим вкладом в возможное рассуждение.

Можно только предполагать, почему М.К. Петров пишет о знании, и сравнительно немного о других формах духовной культуры. Вероятно, потому, что социокод универсален для человеческой культуры в силу своего репродуктивного характера. То есть, каждая человеческая личность обязательно проходит через его освоение для того, чтобы вступить в полноценную жизнь в том или ином социуме. Социокод имеет также бытийный характер – каждая человеческая личность живет в неких рамках действия, поведения, традиции, условий, заданных социокодом данной культуры. Описав действие социокода на духовном феномене знания, М.К.Петров, в принципе, дает схему действий для понимания того, как происходит работа человеческого духа, духа отдельной личности при «восхождении» по ступеням социокода к уровню культурной развитости, социальной адекватности, «нормативной» или, скажем, минимально-достаточной компетенции для участия в делах социума.

Возможно, это не так. Заключительная часть монографии М.К. Петрова «История европейской культурной традиции и ее проблемы», многократно цитируемая здесь, целиком посвящена вопросу так называемого «онаучивания» общества, при этом об освоении личностью других сторон духовной жизни социума говорится мало. Собственно, и сама идея «онаучивания» социума начинает выглядеть неполно: ведь многие согласятся с тем, что человек знающий и человек воспитанный – далеко не одно и то же. М.К. Петров не заостряет внимания и на проблемах развития субстанциональной стороны понимания у личности: его исследование целиком направлено на проблему социокода и смежные с ней понятия человекоразмерности и эквифинальности.

Мы полагаем, что это все представляет собой направления для будущих исследований, о чем нами сказано в самом начале статьи. Ведь духовный лик социума, как и личности – культура вообще, а не только знание. Но тот аспект, что культура на уровне социума представляет собой знаковую конструкцию и выражается в ней, предполага-

ет решение проблемы понимания текстов как знаковых образований. Это позволяет сделать вывод, что понятие социокода, включенное в общую проблематику понимания, соотнесенное с онтологией смысла, предоставит исследователю более широкие возможности толкования процессов понимания, смыслообразования, интерпретации.

Список литературы

1. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания. Тверь, 1993. 137 с.
2. Гоготишвили Л.А. Религиозно-философский статус языка // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М.: «Мысль», 1993. С. 912.
3. Гумбольдт В. О буквенном письме и его связи со строением языка // Язык и философия культуры. М.: «Прогресс», 1985. С. 411.
4. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. М.: «Прогресс», 1985. С. 370–380.
5. Ерыгин А.Н. Россия: школа мысли. Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ, 2013. С. 181.
6. Зеньковский В.В. История русской философии. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2004. В 2 тт. Т. 1. 542 с.
7. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: «Просвещение», 1988. 192 с.
8. Лосев А.Ф. Вещь и имя / Бытие-имя-космос. М.: «Мысль», 1993. С. 882.
9. Лосев А.Ф. Философия имени. Бытие – имя – космос. М.: «Мысль», 1993. С. 740–742.
10. Неретина С.С. Социокod философии (о философских работах М.К. Петрова) // Вопросы философии, 10/2008. С. 95.
11. Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РоссПЭН, 2004. 774 с.
12. Петров М.К. Язык, знак, культура. М.: «Наука», 1991. 328 с.
13. Розанов В.В. О понимании. М.: «Тананис», 1996. 802 с.
14. Соваков Б.Н. Контекст, интерпретация и категория меры // Инновации в преподавании иностранных языков студентам-юристам. Межвузовская научно-практ. конференция. М.: РПА Минюста России, 2013. С. 140–145.

15. Соваков Б.Н. К вопросу о методологических константах герменевтики // Этносоциум и межнациональная культура, № 6 (14), 2008. С. 131–140.
16. Соваков Б.Н. О языковой концепции А.Ф. Лосева // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. № 16 (159), 2013. Вып. 25. С. 300–304.
17. Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 84–95.

References

1. Bogin G.I. *Substancialnaya storona ponimaniya teksta* [Substantial side of text understanding]. Tver, 1993. 137 p.
2. Gogotishvili L.A. Religiozno-filosofskij status jazyka [Religious and philosophical status of a language]. Losev A.F. *Bytije-imja-kosmos* [Genesis-name-space]. Moscow, Mysl', 1993. 958 p.
3. Humboldt W. O bukvennop pis'me i ego svyazi so stroeniem jazyka [Writing with letters and language structure unity]. *Yazyk i filosofiya kultury* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow, "Progress", 1985, pp. 411.
4. Humboldt W. Harakter jazyka i harakter naroda [Language character and people's character]. *Yazyk i filosofija kultury* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow, "Progress", 1985, pp. 370–380.
5. Yerygin A.N. *Rossija: shkola mysli* [Russia: the school of thinking]. Rostov-na-Donu, izdat. YFU, 2013.
6. Zen'kovsky V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [Russian philosophy history]. Rostov-na-Donu, "Feniks", 2001. Vol. 1. 542 p.
7. Kuharenko V.A. *Interpretacija teksta* [Text Interpretation]. Moscow: "Prosvesshenije", 1988. 192 p.
8. Losev A.F. Veshh' i imja [Thing and name]. *Bytije-imja-kosmos* [Genesis-name-space]. Moscow: "Mysl'", 1993. 958 p.
9. Losev A.F. Filosofija imeni [Philosophy of a name]. *Bytije-imja-kosmos* [Genesis-name-space]. Moscow: "Mysl'", 1993. 958 p.
10. Neretina S.S. Sociokod filosofiji (on Petrov's filosofical works) [Socio-code of philosophy]. *Voprosy filosofiji*, 10, 2008.

11. Petrov M.K. *Istoriya evropeiskoi kulturnoi tradicii i eio problem* [The European cultural tradition and its problems]. M.: RossPen, 2004. 774 p.
12. Petrov M.K. *Yazyk, znak, kultura* [Language, sign, culture]. Moscow, “Nauka”, 1991, 328 p.
13. Rozanov V.V. *O ponimanii* [On Understanding]. Moscow, “Tanais”, 1996.
14. Sovakov B.N. Kontekst, interpretacia b kategorija mery [Context, interpretation and measure sense]. *Innovacii v prepodavanii inostrannyh yazykov studentam-iuristam. Mezhvusovskaia nauchno-prakticheskaia konferencija* [Innovation in foreign language teaching law students. Interuniversity Scientific and Practical Conference]. Moscow: RPA Min-iusta Rossii, 2013, pp. 140–145.
15. Sovakov B.N. K voprosu o metodologicheskikh konstantah germenevtiki [On hermeneutic methodological constants problem]. *Etnosocium i mezhnacional'naja kultura*, № 6 (14), 2008, pp. 131–140.
16. Sovakov B.N. O jazykovej koncepcii Loseva [On Losev's Language concept]. *Nauchnyje vedomosti BelGU. Serija: Filosofija. Sociologia. Pravo*. №16(159), 2013. Issue 25, pp. 300–304.
17. Uorf B.L. Nauka i yazykoznanie [Science and linguistics]. *Novoe v lingvistike*. Issue 1. Moscow, 1960, pp. 84–95.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Соваков Борис Николаевич, доцент кафедры финансово-правовых и социальных дисциплин, кандидат филологических наук
Всероссийский государственный институт юстиции (РПА Минюста России), Калужский филиал
ул. Московская, 256А, г. Калуга, 248021, Российская Федерация
bsovakov@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sovakov Boris Nikolayevich, Associate Professor, Ph.D. in Philology
Russian State University of Jurisprudence, Kaluga Branch
256A, Moskovskaya Str., Kaluga, 248021, Russian Federation
bsovakov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2237-2281